

Редакция журнала продолжает публикацию материалов, посвященных культурному наследию полиэтничного региона. В настоящем разделе помещены материалы, выполненные в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проекта Астраханского государственного университета «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтничном регионе» (02.740.11.0593). Данный проект призван восполнить утраченное, возродить надежду на сохранение связующей нити между настоящим и прошлым.

ПОДЛИННИК ИЛИ СИМУЛЯКР: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ¹

А.П. Романова, С.Н. Якушенков, С.Д. Дахин
(Россия, Астрахань)

«Симулякры берут верх над историей»
Бодрийяр Ж. «Символический объект и смерть»

В статье дается анализ современного состояния материального культурного наследия и его симулякров, замещающих подлинник в связи с различными культурными или экономическими обстоятельствами. Классифицированы различные типы культурных симулякров, в зависимости от уровня аутентичности их с подлинными объектами культурного наследия. Показаны дальнейшие перспективы развития мира симулякров.

The article deals with the problems of a modern condition of a material cultural heritage and its simulacra, replacing the original in various cultural or economic circumstances. Various types of cultural simulacra, depending on the level of their authenticity with original objects of a cultural heritage, are classified. The further perspectives of development of the world simulacra are shown in the article.

Ключевые слова: материальное культурное наследие, копия, памятник, аутентичность, симулякр, реставрация, реконструкция.

Key words: material cultural heritage, copy, monument, authenticity, simulacrum, restoration, reconstruction.

В XX в. по инициативе ЮНЕСКО культурное наследие было институционализировано в мировом масштабе. Параллельно оно легитимировалось, систематизировалось, ранжировалось и защищалось целым рядом конвенций и хартий [7], и, наконец, стало брендом. Изобилие памятников и сложность их сохранения не позволили практически ни одному государству в мире достойным образом заботиться о всей целокупности своего культурного наследия. Поэтому выстроенная иерархия объектов культурного наследия фиксировала значимость объекта в мировой культурной системе и

¹ Статья выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «2010-1.1-303-019-043» «Сохранение культурного наследия в полиэтничном регионе».

соответственно степень необходимой защиты его мировым сообществом. Созданная иерархия в виде классификаторов всемирного наследия, а так же государственных реестров на уровне каждой страны (в России это федеральные, региональные и муниципальные списки памятников, подлежащих охране), способствовала так же более эффективной коммерциализации объектов культурного наследия.

Сохранение культурного наследия перестало быть «личным делом» каждого государства, оно стало делом гражданского общества, поскольку процедура включения – это длительный и достаточно кропотливый процесс, требующий как публичного обсуждения, так и выполнения целого ряда условий, связанных не только с состоянием самого памятника, но и с культурным ландшафтом. Эта политика в западных странах проводится достаточно четко с помощью кнута и пряника [8, с. 43]. И одним из важнейших вопросов данной процедуры является вопрос аутентичности памятника. В руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия от 2 февраля 2005 г пункт ПЕ целиком посвящен целостности и/или аутентичности памятников. Следуя требованиям аутентичности, реконструкция остатков археологических памятников, или исторических зданий или кварталов допустима только при исключительных обстоятельствах. Реконструкции приемлемы только в том случае, если они выполнены на основе полной и исчерпывающей документации, но никоим образом не на предположениях любой степени достоверности» [11, с. 20].

Надо сказать, вопрос аутентичности памятника не является простым и однозначным. Надо отметить, что культурная традиция сохранения памятников материального культурного наследия не является общепринятой для всех государств и социумов. В силу экстравертности самой европейской культуры она изначально была ориентирована на отождествление объекта культурного наследия с материальным памятником. Такую тенденцию закреплял и употреблявшийся в середине прошлого века в англоязычной литературе термин «testimony», впоследствии вытесненный термином «heritage» [10], расширивший границы понимания культурного наследия. Вследствие этого, первоначально сложившаяся система сохранения и защиты объектов культурного наследия ориентирована, прежде всего, на материальные объекты и, соответственно, учитывает массу материальных факторов: степень сохранности, уровень износа, экономические и социальные риски, человеческий фактор и т.д. В восточной традиции охраны культурного наследия, например, в Японии, главный упор делается не на самом материальном объекте, а на его духовной составляющей. Восточная культура пытается сохранить не столько брэнную оболочку, сколько дух памятника. М. Векко считает, что это связано с культурной спецификой философского видения истории [22, с. 322]. Согласно же Томашевскому, эти два подхода вытекают не только из различных религиозных предпосылок, являющихся частью культуры каждой страны, но и из среды обитания. Западные памятники созданы преимущественно из стойких материалов и в умеренном климате, а восточные из нестойких и в менее благоприятных условиях, поэтому разрушаются чаще [21, с. 9].

Позволим поставить перед собой два вопроса и попытаемся на них ответить. Так что же все-таки важно в памятнике культурного наследия – его подлинная материальная оболочка, которая имеет обыкновение стареть и разрушаться, или его внутреннее содержание, дух, своеобразное «alter ego», способное гипотетически существовать вне этой оболочки, например, в виртуальной форме? И принципиальна ли сама постановка этого вопроса или это чистой воды софизм? В онтологическом плане это вопрос аутентичности памятника. В методологическом плане вопрос дихотомии «реставрация – реконструкция».

Сам термин аутентичность тоже трактуется неоднозначно. В западной литературе различаются два сопредельных понятия – «аутентичность объекта» и «экзистенциальная аутентичность». Второй термин активно используется в исследованиях в области культурного туризма [23]. Надо сказать, что с тех пор, как МакКеннал [18] ввел понятие «аутентичность» как предполагаемый повод для туристической деятельности, споры связанные с использованием этого термина только усилились.

Под «аутентичностью объекта» собственно понимается подлинность памятника в европейской трактовке, когда речь идет не о реконструкции, а только о реставрации, при которой объект и культурный ландшафт эпохи сохранены максимально. «Старинная вещь чисто мифологична, отсылая к прошлому. Она лишена какого-либо выхода в практику и явлена нам исключительно затем, чтобы нечто означать... у нее есть вполне специфическая функция: ею обозначается время» [3, с. 83]. Экзистенциальная же аутентичность – понятие еще более размытое и широкое, чем восточная версия духовной аутентичности. В восточной традиции все же эта подлинность имеет определенное основание в виде копии, выполненной в максимальном приближении к оригиналу. Именно она сохраняет (а не воссоздает) дух подлинного культурного объекта. Экзистенциальная же аутентичность гораздо более широка и основана не на реставрации, а на реконструкции.

«Экзистенциальная аутентичность, в отличие от аутентичности объекта, часто не имеет никакого отношения к проблеме реальности посещаемого туристами объекта. В поисках туристского опыта, который экзистенциально аутентичен, туристы озабочены экзистенциальным Бытием, активированным определенной туристической активностью» [23, с. 359].

Поскольку объекты культурного наследия вовлечены во всемирную туристическую «паутину», то вопрос исторической подлинности начинает уступать место собственно весьма прагматическим понятиям – зрелищности и коммерческому успеху. Под понятие «экзистенциальная аутентичность», прежде всего, подпадают новые культурные феномены, являющиеся сегодня поводом для туризма – например, кинотуризм, когда в основу маршрута положена сюжетная линия какого-либо культового фильма, например, маршрут по Новой Зеландии, где происходили съемки «Властелина Колец» [15]. Экзистенциальной аутентичности отвечает и «фестивальный туризм», включающий в себя не только традиционные места проведения карнавалов (Венеция, Бразилия и т.д.), но и не связанные с подлинным культурным ландшафтом, такие как, например, Техасский фестиваль эпохи Возрождения. Проводя экспертный опрос участников фестиваля, Х. Ким и Т. Джамал выявили, что они относятся к своему участию в таком мероприятии весьма серьезно, отнюдь не воспринимая его как суррогат, и полностью погружаются в атмосферу эпохи, несмотря на отсутствие объектной аутентичности [17, с. 181]. Поэтому так называемая «экзистенциальная аутентичность» для них важнее подлинности, а впечатления, испытываемые в процессе, они расценивают как подлинные. В силу этого именно замена объектной аутентичности экзистенциальной делает возможным существование в рамках культурного наследия симулякра.

Понятие «симулякр» (от франц. – стереотип, псевдовещь, пустая форма) введено в научный оборот Ж. Бодрийяром и активно использовалось, прежде всего, в постмодернистской философии, которая возводит его к Платону, к его теории идей, обозначающей границу между «вещью» как таковой и ее образами, оригиналом и копией, моделью и симулякром [4, с. 226]. Платон допускает существование двух типов копий – подлинных, имеющих сходство с оригиналом, и ложных, такого сходства практически не имеющих, симулякром. «Копия является образом, обеспеченным подобием. Симулякр же – образ, лишенный подобия» [4, с. 231]. Тем не менее, для Платона в симулякре главным является не то, что он – ложная копия, «а то, что он ставит под вопрос вообще всяческие изображения, копии и модели» [4, с. 229], т.е. своим существованием он дискредитирует само понятие копии.

По Бодрийяру, симулякр это «субституция, подмена реального знаками реального, т.е. это операция по апотропии всякого реального процесса с помощью его операционной копии, идеально дескриптивного, метастабильного, программированного механизма, который предоставляет все знаки реального и предотвращает любые перипетии» [2].

В отечественном словаре «Культурология XX век» его определяют как образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинника, поверхностный, объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Это пустая фор-

ма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности [6, с. 423].

Понятие симулякра эволюционирует от обозначения ложной, но все-таки копии вещи, до приблизительной, иногда сюрреалистичной имитации, виртуальной копии, и употребление это термина по отношению к какому-либо объекту приобретает уничижительный характер, отождествляя объект с подделкой. Этот термин все чаще используется различными исследователями для анализа протекающих процессов в различных сферах – в экономике [14], в коммуникативистике [16] и т.д. Он все чаще входит в политический оборот [2, 5], соотносится с массмедиа и рекламой, которая буквально построена на симулякрах, как впрочем и современные массмедиа.

Ж. Бодрийяр в глубоком философском смысле рассматривал всю современную культуру как симулякр и выделял три порядка симулякров: 1) подделку как господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции; 2) производство как господствующий тип промышленной эпохи; 3) симуляцию, как господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом. «Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности» [1, с. 115].

Современная медийная культура, разрушающая границы, порождает целый мир культурных симулякров, имеющий сложную структуру. Появляются трансграничные симулякры, государственные культурные симулякры, симулякры культурных памятников, симулякры этнической культуры, симулякры демократической политической культуры и т.д.

Медийная культура позволяет формировать виртуальные симулякры, заменяющие собой памятники реальной культуры, как более привлекательные, доступные. Современные технологии позволяют не только улучшить их эстетический вид, реконструировать утраченное, но и, включив их в медиакультуру, построить параллельный культурный «мир – симулякр». Он имеет как транснациональные характеристики, так и национальные черты.

Нас в данном случае интересует культурный симулякр, и его медийное существование. Именно его активное распространение заставляет нас задуматься о дальнейших перспективах существования материального культурного наследия.

Исходя из самого понятия «симулякр», возникает вопрос, как можно провести границу между симулякром и подлинником. Казалось бы, здесь все достаточно просто. Подлинник это абсолютно аутентичная вещь, датированная той эпохой, к которой она принадлежит, в большинстве случаев подвергнутая реставрации, но опять-таки не изменившей подлинную основу. Однако здесь все тоже не так просто. Синтоистские храмы Най-ку и Гей-гув в Исе (Япония), разбираемые и вновь отстраиваемые по одним источникам через 21 год [12], а по другим через 20 лет [22, с. 323], представляют собой точную копию предыдущего, и, соответственно, первоначально-го храма. Подобная перестройка совершалась уже более 60 раз и следующая будет в 2013 г. Можно ли считать этот памятник подлинником, ведь он и аутентичен, и неаутентичен одновременно. Это абсолютное подобие оригинала, но если придерживаться буквы – не оригинал. Японцы считают его подлинным, поскольку сохранен его дух.

Другим вариантом является Дом-музей купца Тетюшинова в г. Астрахани. Это деревянный дом XIX в., который в XX в. был жилым домом на несколько соседей, а к началу XXI в. пришел в упадок, жильцы были выселены, а дом законсервирован в силу своей аварийности. При его реставрации была оставлена подлинная основа, реконструирован целый ряд конструктивных элементов, но уничтожены стеновые пластинные панели. И памятник, сохранив свою подлинную аутентичную основу, внешне стал выглядеть как «новодел», зато приобрел привлекательность для туристов.

Сложность определения аутентичности еще и в том, что практически любой материальный объект культурного наследия, имеющий на данный момент «товарный вид», в той или иной степени когда-либо реставрировался. Более того, многие из них в процессе своего, подчас многовекового, существования подвергались многочис-

ленным, переделкам и достройкам, а иногда вообще создавались поэтапно. Большинство объектов, образно говоря, представляют собой луковицу из многих культурных наслоений, поэтому так сложен вопрос об изначальной и абсолютной аутентичности. Любой объект, со всеми его историческими слоями, представляет собой немножечко симулякр. И когда, например, реставраторы, снимают более поздние слои «записи» иконы, открывая ее первозданный аутентичный вид, то тем самым уничтожают более позднюю аутентичность, которая тоже была «Явлением» для *своего* времени.

Все чаще в культурном туризме подлинные объекты культурного наследия начинают замещаться или дублироваться либо полными, либо частичными симулякрами, которым не страшны большие туристические потоки, которые учитывают современные технические достижения и современную виртуальную картину мира. По образному выражению Ж. Бодрийера «симулякры берут верх над историей» [1, с. 124].

Такие симулякры культурного наследия полифункциональны. С одной стороны, своим существованием симулякры – копии объектов культурного наследия – сохраняют подлинник, путем снятия с него части туристической нагрузки. С другой стороны, они выполняют просветительские функции – дают возможность большим потокам желающих познакомиться с объектами культурного наследия. И зачастую с меньшими усилиями и с меньшими финансовыми затратами.

В последнее время повсеместное распространение получили так называемые «парки миниатюр». Одним из старейших является парк «Аве Мария Гротто» [19] в штате Алабама (США), самостоятельно построенный монахом монастыря св. Бернарда Джозефом Дзоэттисом из подручных материалов. Этот парк изначально не был элементом шоу-бизнеса, а скорее эксцентричным хобби и богоугодным делом. Построенный одним человеком, он весьма приближен с точки зрения аутентичности и ландшафтного дизайна, и не создает впечатления шоу. В настоящее время этот объект в США настолько популярен, что ему посвящены стихи и ремингтон для сотового телефона [13]. Таким образом, он становится объектом трансмедиа культуры.

Современные же мини-парки, а их более 40, это профессиональная и весьма дорогостоящая работа большого коллектива архитекторов, дизайнеров, специалистов по культурному наследию. Они представляют культурное наследие во всемирном масштабе (Парк Мира в Пекине, Мини-Сиам в Таиланде), либо в масштабе континента (Европа-парк в Русте, Германия, «Мини Европа» в Брюсселе, Швейцария), либо отдельной страны (Мини-Израиль, Испанская деревня «Город мастеров» в Барселоне, «Италия в миниатюре» в Римини, Мадуродам в Голландии, «Франция в миниатюре» в Эланкуре, «Португалия в миниатюре» в Коимбре и т.д.), либо отдельного города (Киев в миниатюре). Это все уменьшенные копии архитектурных объектов мирового культурного наследия, в основном в масштабе 1/25 или 1/8 как в Пекине.

Однако появились прецеденты создания симулякра отдельного культурного объекта в натуральную величину. «Под предлогом спасения оригинала, посетителям запретили доступ в гроты Ласко, но в пятистах метрах построили их точную копию, так что каждый может увидеть их (взглянуть через глазок на часть настоящего грота, а потом посетить реконструкцию всего остального). Возможно, что сама память об оригинальных гротах постепенно исчезнет из сознания будущих поколений, и тогда различий не будет: дублирования достаточно, чтобы оба объекта стали одинаково искусственными» [2].

Гигантским гибридным симулякром является замок Клойстерс, филиал Метрополитен-музея в Нью-Йорке, построенный в первой половине XX в., с включением подлинных скульптуры и архитектурных фрагментов из пяти французских и испанских монастырей.

Симулякры начинают создаваться и вне культурного ландшафта объекта. В октябре 2011 г. открывается Австралийский Стоунхендж – полная реконструкция английского подлинника, причем не в его современном, а в предполагаемом первозданном варианте. Людям другого полушария можно будет посмотреть на памятник гораздо более удобным для них способом.

В России подобные мини-парки только планируется создать в Санкт-Петербурге, Геленджике, Челябинске. Подобное «отставание», как нам кажется, связано с отношением к аутентичности в Советском союзе. Аутентичность как главная историческая ценность объекта культурного наследия была важнее зрелищности. А поскольку все объекты стояли на балансе государства, то коммерческий фактор уступал место просветительскому. Все отечественные парки культурного наследия представляют собой либо музеи под открытым небом – скансены (Витославлицы, Щельковский хутор, Суздальский музей деревянного зодчества), либо этнографические музейные комплексы, этнические парки (Кижы и т.д.) и являются совокупностью подлинников, в первом случае свезенных в одно место из разных деревень, во втором, включающие как памятники музеефицированные на месте, так и привезенные, но всегда отвечающие критериям аутентичности.

Однако далеко не всегда «симулякр» представляет собой точную копию памятника, особенно в случае этнопоселений, призванных выполнять функцию шоу. Так, например, этническая деревня народа мяо на острове Хайнань (КНР), которую посетили авторы статьи, являет собой зрелищный аттракцион для туристов, причем не столько иностранных, сколько внутренних. Сами представители племени работают как цирковые артисты и шоумены. Но, к сожалению, воссоздания их реальной этнической деревни, пусть даже как музея, авторам статьи увидеть не удалось. В данном случае симулякр работает на социальную и экономическую компоненты культуры мяо, благодаря ему появляются рабочие места и чувство собственной значимости у участников шоу, однако это не способствует сохранению самой культуры и даже не дает о ней представления.

«В Крезе, в пределах экологического музея, где на месте событий музеефицировали как "исторических" свидетелей своей эпохи целые рабочие кварталы, действующие металлургические зоны, сразу целую культуру, мужчин, женщин, детей – вместе с их жестами, манерой разговаривать, обычаями, – при жизни превращенных в окаменелости, как на старых фотографиях. Музей, перестав быть геометрически ограниченным местом, теперь повсюду – как еще одно жизненное измерение» [2].

В Оренбурге построили еще один большой симулякр – «Национальную деревню», который представляет собой комплекс национальных подворий 10 самых многочисленных этносов Оренбуржья. В каждом подворье размещается этнографический музей, национальное кафе, библиотека литературы на родном языке. На территории подворья располагается экспозиция, отражающая быт и культуру этнической общности» [9].

Появляются и симулякры, которые созданы «по мотивам», но на месте подлинных архитектурных памятников культурного наследия, как, например, симулякр Сарай-Бату, по мнению специалистов, не отвечающий элементарным нормам реконструкции, что не мешает включить его в туристический маршрут по Астраханской области.

Таким образом, мы можем говорить не просто о мире симулякров, а о мире симулякров материального культурного наследия, который к тому же чрезвычайно разнообразен. Мы можем условно попытаться классифицировать их по степени и характеру взаимосвязи с подлинником, учитывая и подлинный культурный ландшафт, который помогает восприятию культурного объекта в его целостности.

Скансены – подлинные объекты в «чужом», но близком по культуре ландшафте (например, музей под открытым небом в Суздале); абсолютные исторические копии в своем культурном ландшафте (храмы в Исе); гибридные симулякры с включением подлинных фрагментов (Клойстерс), этнографические музейные комплексы, состоящие из музеефицированного подлинника в своем культурном ландшафте и привезенных туда подлинных объектов (Кижы), реставрированные памятники, приобретенные вид «новодела» (дом Тетюшинова); комплексы из подлинника и его симулякра (Ласко), симулякры как реконструкция в чужом культурном ландшафте (австралийский Стоунхендж); мини-парки; псевдо реконструкции (Сарай-Бату) и т.д. Таким образом, мы видим, что большинство из них все же пытается воспроизвести оригинал в максимальном приближении.

Однако будущее культурного наследия, скорее всего, за симулякрами. Они больше отвечают требованиям массовой культуры и вкусам «человека путешественника». Конечно, необходимо учитывать, что путешественники не представляют собой однородной массы, а один и то же объект культурного наследия может вызывать как познавательный, так и сакральный интерес. И если для паломника чрезвычайно важна именно аутентичность, являющаяся основой и гарантом сакральности, то для любопытствующего туриста, особенно для того, для кого экскурсии являются приятным десертом к пляжному отдыху, вполне достаточно и симулякра. Массовое распространение культурных симулякров, их доступность, как в финансовом, так и в географическом плане, а так же сопровождающая их туристическая инфраструктура делают их привлекательными и посещаемыми, а, следовательно, коммерчески оправданными. Даже памятники природного наследия, такие как, например, водопады Игуа-су, благодаря включению в активную туристическую деятельность, превращаются в гигантский симулякр. Уходящая подлинность оставляет привкус неизбежности и послевкусие утраты.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <http://existencia.livejournal.com>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудомино, 1995.
4. Делез Ж. Платон и симулякр / Ж. Делез // Интенциональность и текстуальность. – Томск, 1998.
5. Дугин А. Политическая система современной России: симулякры и альтернативы / А. Дугин // Центр консервативных исследований. – Режим доступа: <http://www.konservatism.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Культурология XX в. : словарь. – СПб., 1997.
7. Международная хартия по консервации и реставрации монументов и достопримечательных мест. – Венеция, 1964; Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. – Гаага, 1954; Парижская конвенция, 1970; Лондонская конвенция об охране археологического наследия, 1969; Флорентийская хартия, 1950; Европейская конвенция по охране архитектурного наследия, 1975; Международная Хартия по охране исторических городов, 1987; Парижская хартия для новой Европы, 1990 и т.д.
8. Миронова Т. Н. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия / Т. Н. Миронова // Культурная политика. – 2009. – № 2.
9. Национальная деревня. Россия. Оренбург 2009. – Режим доступа: http://www.64cells.ru/ethnic_village, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
10. Романова А. П. Культурный менеджмент и политика сохранения культурного наследия в современном обществе / А. П. Романова, С. Н. Якушников, С. А. Дахин, М. А. Топчиев, О. С. Якушenkova // Человек, сообщество, управление. – 2010. – № 3.
11. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия от 2 февраля 2005 г.
12. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.
13. Ave Maria Grotto Lyrics. – Режим доступа: http://www.lyricsfreak.com/k/kate+campbell/ave+maria+grotto_20739259.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
14. Bougen P. D. Fair value accounting: Simulacra and simulation / P. D. Bougen J. J. Young. – CritPerspect Account (2011), doi:10.1016/j.cpa.2011.05.004.
15. Buchmann A. Experiencing film tourism: Authenticity and Fellowship / A. Buchmann, K. Moore, D. Fisher // Annals of Tourism Research. – 2010. – № 1, Vol. 37. – P. 229–248.
16. Durham S. Phantom communities: the simulacrum and the limits of postmodernism / S. Durham. – Stanford : Stanford University Press, 1998.
17. Kim H. Touristic quest for existential authenticity / H. Kim, T. Jamal. – Annals of Tourism Research. – 2007. – № 34 (1). – P. 181–201.
18. MacCannell D. Staged authenticity: Arrangements of social space in Research / D. MacCannell. – 2001. – № 28 (1). – P. 7–26.

19. Properties on the Alabama Register of Landmarks & Heritage. Alabama Historical Commission. – Режим доступа: <http://www.preserveala.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – 2009. – 4 June. Retrieved 21 July 2009.
20. Taylor J. P. Authenticity and sincerity in tourism. *Annals of Tourism Research*. American Sociological Review / J. P. Taylor. – 1973. – № 79. – P. 589–603.
21. Tomaszewski A. *Vers une philosophie pluraliste de la conservation pour le xxie siècle*, Centre pour la protection du paysage culturel / A. Tomaszewski. – Varsovie, 2001. – P. 9–10.
22. Vecco M. A definition of cultural heritage: From the tangible to the intangible / M. Vecco // *Journal of Cultural Heritage*. – 2010. – № 11.
23. Wang N. Rethinking authenticity in tourism experience / N. Wang // *Annals of Tourism Research*. – 1999. – № 26 (2). – P. 349–370.

ЗАКУТУМЬЕ И ЗАКАНАЛЬЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ МОДУЛЬ¹

Е.В. Хльщева
(Россия, Астрахань)

Закутумье и Зakanалье – исторически сложившиеся поликультурные районы Астрахани, отличающиеся своей архитектурой. Здесь каждый дом представляет культурное наследие, как и вся территория, изучение которой еще далеко не завершено.

The territory of Zakutum and Zakanal represents historically developed polycultural regions of Astrakhan, different in their architecture. Here each house represents a cultural heritage, as well as all the territory, which study hasn't been finished yet.

Ключевые слова: Закутумье, Зakanалье, каналы, Большие Исады, мосты.

Key words: Zakutumye, Zakanalye, channels, Big Isads, bridges.

Река Кутум, прорезающая левобережную часть Астрахани с запада на восток, является одним из бесчисленных рукавов Волги. Происхождение названия реки достоверно неизвестно. Этот рукав мог получить свое название по имени татарского князя Кутума, хотя возможно, что и прозвище свое татарский князь получил от имени реки, на берегах которой, может быть, кочевали его кибитки. Второе предположение более основательно, так как названия рек всегда более древние, чем прозвище или фамилия владельца земли, по которой протекает река или на которой расположено селение. В этом случае название свое река получила по имени изобиловавшей здесь рыбы кутум (по-тюркски «кутум» – сазан).

Кутум был в прошлом судоходной рекой, и, как единственный годный водяной в течение навигации путь к Большим Исадам, был открыт для провоза продуктов во всякое время дня и ночи на судах, которые могли пройти по Кутуму. Берега Кутума в пределах города были укреплены деревянными забойками и ивовыми плетнями, что создавало вид набережной. Часть берега была отведена Городской Управой для бесплатного пристанища перевозных лодок, небольших судов с рыбными товарами и сельской продукцией. Стоянка других судов более положенного времени на Кутуме запрещалась. Но постановление часто нарушалось, и с судов велась торговля, преимущественно сухой рыбой, мешая свободному движению других судов. Меры, предпринимаемые Городской Управой, особого действия не имели, и тогда было решено с таких судов-магазинов брать арендную плату [3, с. 279].

Зимой у Иорданской сени и у Коммерческого моста возникали рыбные базары, где продавалась мороженая и свежемороженая рыба. Зимний берег реки Кутум был буквально завален мороженой рыбой. Количество ее было огромно [8, с. 27].

Судам разрешалось заходить в реку Кутум для спасения во время бури при северном и западном ветрах, но по окончании бури они должны были немедленно отсюда выходить. Исполнение данного постановления лежало на обязанностях Речной

¹ Статья выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «2010-1.1-303-019-043» «Сохранение культурного наследия в полиэтничном регионе».